

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94 (5)

Т.Ф. Штыков – первый советский посол в КНДР: к вопросу о роли личного фактора в истории провала Северокорейского наступления в 1950 г.

¹ Курков В.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье анализируется историческая роль генерал-полковника Т.Ф. Штыкова, в 1948-1950 гг. занимавшего пост чрезвычайного и полномочного посла СССР в КНДР: накануне и в начале Корейской войны 1950-1953 гг. он фактически выполнял роль ключевого связующего звена в политическом общении между И.В. Сталиным и Ким Ир Сеном и связи с этим сыграл важную роль в развязывании данного военного конфликта. Автор акцентирует внимание на проблеме личной ответственности Т.Ф. Штыкова за ряд серьезных военно-стратегических просчетов предопределивших поражение КНДР в 1950 г., и прежде всего – недооценку угрозы со стороны Инчхонской десантной операции, проведенной американцами в глубоком тылу сил северокорейских коммунистов. В то же время, по мнению автора вина за провал северокорейского наступления ложится и на самого Сталина, за противоречивую политику которого в Корее расплачивались его подчиненные. В статье вводятся в научный оборот материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) – документы из личного дела Т.Ф. Штыкова, оставшегося после его вынужденного пребывания на должности заместителя председателя Исполнительного комитета Калужского областного Совета в результате разжалования и понижения в звании – эти источники позволяют подтвердить целый ряд фактов из биографии первого посла СССР в Северной Корее.

Ключевые слова: Т.Ф. Штыков, И.В. Сталин, образование КНДР, Корейская война 1950-1953 гг., Инчхонская десантная операция

Для цитирования: Курков В.В. Т.Ф. Штыков – первый советский посол в КНДР: к вопросу о роли личного фактора в истории провала Северокорейского наступления в 1950 г. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 5. С. 278 – 284.

Поступила в редакцию: 24 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 мая, 2025 г.; Принята к публикации: 1 июля 2025 г.

T.F. Shtykov – the first Soviet ambassador to the DPRK: on the question of the role of the personal factor in the history of the failure of the North Korean offensive in 1950

¹ Kurkov V.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article analyzes the historical role of Colonel General T.F. Shtykov, who served as the USSR Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to the DPRK in 1948-1950: on the eve and at the beginning of the Korean War of 1950-1953, he actually played the role of a key link in political communication between I.V. Stalin and Kim Il Sung and, in this regard, played an important role in unleashing this military conflict. The author focuses on the problem of T.F. Shtykov's personal responsibility for a number of serious military-strategic miscalcula-

tions that predetermined the defeat of the DPRK in 1950, and, above all, the underestimation of the threat posed by the Inchon landing operation carried out by the Americans deep in the rear of the North Korean communist forces. At the same time, according to the author, the blame for the failure of the North Korean offensive also falls on Stalin himself, for whose contradictory policies in Korea his subordinates paid. The article introduces into scientific circulation materials from the State Archive of Documents of the Modern History of the Kaluga Region (GADNIKO) documents from the personal file of T.F. Shtykov, left after his forced stay in the position of deputy chairman of the Executive Committee of the Kaluga Regional Council as a result of demotion and reduction in rank – these sources allow us to confirm a number of facts from the biography of the first USSR ambassador to North Korea.

Keywords: T.F. Shtykov, I.V. Stalin, formation of the DPRK, Korean War 1950-1953, Inchon landing operation

For citation: Kurkov V.V. T.F. Shtykov – the first Soviet ambassador to the DPRK: on the question of the role of the personal factor in the history of the failure of the North Korean offensive in 1950. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (5). P. 278 – 284.

The article was submitted: March 24, 2025; Approved after reviewing: May 21, 2025; Accepted for publication: July 1, 2025.

Введение

Сложно переоценить историческую роль генерал-полковника Т.Ф. Штыкова в качестве первого посла Советского Союза в Северной Корее в 1948-1950 гг. – в годы определившие всю последующую парадигму развития коммунистического режима в этой стране: его имя неизбежно возникает в ряду тех, кого можно считать «архитекторами» как КНДР, так и корейской войны 1950-1953 гг. В сложный период становления северокорейского коммунистического государства и в начала войны на Корейском полуострове, Т.Ф. Штыков фактически выполнял роль ключевого связующего звена в общении между И.В. Сталиным и Ким Ир Сеном поэтому документы за подписью первого советского посла в КНДР, становятся важными историческими источниками в работах как отечественных, так и зарубежных специалистов по новейшей истории Кореи [2; 8; 12; 13, с. 295; 14]. Показательно, что фигура Т.Ф. Штыкова появляется даже в учебной литературе – в одном из пособий по подготовке к ЕГЭ по истории, приводится фрагмент из его докладной записки Сталину, в которой он выражает сомнение в возможностях КНДР самостоятельно осуществить полный разгром Южной Кореи [7, с. 98-99]. Поражение северокорейских коммунистов в 1950 г. для первого советского посла в КНДР обернулось отзывом на родину, серьезным понижением в звании, позорным увольнением в запас и назначением на скромную должность заместителя председателя Калужского областного исполкома. Поэтому лейтмотивом данной статьи является вопрос о том, насколько в действительности Т.Ф. Штыков несет ответственность за провал северокорейского наступления.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу данной статьи, прежде всего, формирует принцип историзма, позволяющий всесторонне оценить как становление личности Т.Ф. Штыкова в качестве видного советского политработника и дипломата, так и основные этапы его военно-политической карьеры, с акцентом на корейский период его деятельности, который можно считать апогеем значения данной исторической фигуры. Точно также, принцип историзма, вкупе с научной достоверностью и объективным подходом является обязательным условием для раскрытия причин и сущности корейского конфликта 1950-1953 гг. в свете сталинской внешней политики: темы максимально политизированной, дискуссионной, порождавшей в отечественной историографии серьезную переоценку итоговых суждений, и обусловившей проблемные вопросы при оценки той роли, которую в этих трагических событиях сыграл первый советский посол в КНДР. В плане источниковой базы следует подчеркнуть, что автором статьи вводятся в научный оборот материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) [4] – документы из личного дела Т.Ф. Штыкова, оставшегося после его вынужденного пребывания на должности заместителя председателя Исполнительного комитета Калужского областного Совета после того, как он был обвинен советским вождем в просчетах приведших к военному поражению корейских коммунистов – эти источники позволяют подтвердить целый ряд фактов из биографии первого посла СССР в Северной Корее.

Результаты и обсуждения

Терентий Фомич Штыков (1907 г.р.) – выходец из простой крестьянской семьи, начавший трудовой путь батраком и рабочим-токарем, в 1929 г. вступил в ряды ВКП(б) и сделал стремительную карьеру по партийной линии: в 1938 г. он уже был вторым секретарем Ленинградского обкома партии [4, л. 2-5] занимая важное место в окружении А.А. Жданова. Штыков в качестве политработника высокого ранга прошел суровую школу Великой Отечественной войны и в звании генерал-полковника участвовал в разгроме Квантунской армии и освобождении Маньчжурии и Северной Кореи. После разгрома Японии и окончания Второй мировой войны на протяжении трех лет присутствия советских войск в Северной Корее Т.Ф. Штыков был главным проводником сталинской политики на Корейском полуострове – именно он представлял Советский Союз в ходе работы Совместной советско-американской комиссии, призванной решить судьбу страны, а после того как переговоры с американцами зашли в тупик, он же сыграл ключевую роль в осуществлении советских планов по установлению дружественного промосковского режима в лице КНДР на фоне раскола страны (в том числе, и в процессе выдвижения в качестве лидера нации самого Ким Ир Сена), а после создания северокорейского государства он первым занял пост посла СССР в Пхеньяне (1948–1950) [8, с. 61-62; 13, с. 309]. Поэтому в автобиографии Ким Ир Сена, занимающей важное место в идеологической системе КНДР, Т.Ф. Штыков получает положительную характеристику со стороны основателя корейского коммунистического государства – в одном ряду с маршалом Мерецковым и А.А. Ждановым [9, с. 530-531].

Несомненно, что, являясь главным связующим звеном в системе политических контактов между И.В. Сталиным и Ким Ир Сеном, Штыков сыграл исключительно важную роль в процессе развязывании войны в Корее в 1950 г. [13, с. 309]. Но в какой степени можно говорить о самостоятельном характере этой роли для первого посла СССР в Пхеньяне? Современные исследователи обращают внимание на некоторые отличия взглядов Штыкова на корейскую проблематику от политики кремлевского руководства (при этом даже подчеркивается что он был одним из немногих, кто нередко принимал сторону руководства КНДР часто расходившегося с политикой Москвы) [8, с. 74], но в условиях жесткой сталинской системы основанной на абсолютном подчинении, у него просто не было возможностей для реализации некой самостоятельной политической линии – как говорится «шаг влево, шаг вправо...». Вполне вероятно, что

даже эти робкие проявления политической самостоятельности, впоследствии и стали причинами его отставки в 1951 г. [8, с. 74]. В целом же складывается впечатление, что Т.Ф. Штыков на посту советского посла в КНДР накануне начала корейской войны оказывался в достаточно сложном положении, вынужденный лавировать между нередко противоречивыми требованиями Сталина и Ким Ир Сена.

С одной стороны, Штыков буквально засыпал Кремль тревожной информацией об агрессивных планах проамериканского южнокорейского режима, о непрекращающихся военных провокациях южан в районе 38-й параллели, а с другой логично констатировал явно недостаточный уровень боевой подготовки, вооружения и оснащения войск КНДР, что требовало срочного исправления за счет военной помощи СССР и направления специалистов из числа советских корейцев [2, с. 87-88; 13, с. 10-11. 15-16, 17-18, 23-24; 14, с. 125] – и то, и другое вполне соответствовало реальной обстановке. Вывод напрашивался сам собой – нужно максимально вооружить КНДР и первыми нанести удар, пока США и южане не опередили коммунистов, что соответствовало чаяниям Ким Ир Сена. Однако Сталин еще не был готов к одобрению планов силового объединения Кореи – поэтому Штыкову по указаниям Москвы пришлось решать задачу по разъяснению сложности политической ситуации для северокорейского вождя с целью торможения его воинственных амбиций [13, с. 51-57; 14, с. 128].

Более того, 30 октября 1949 г. Штыков получил шифровку из Москвы, которая содержала гневную критику действий советского посла со стороны лично И.В. Сталина, крайне недовольного тем, что советские советники допустили возможность захвата северокорейцами спорных высот на 38-й параллели, в ответ на регулярные военные провокации южан – в шифровке прозвучало недвусмысленное сталинское предупреждение для советского посла – «ставим вам на вид» [13, с. 24-26].

Однако два события осенью 1949 г. за пределами Кореи круто меняют и судьбу этой страны и весь расклад сил в мировой политике – победа коммунистов в гражданской войне в Китае, и как результат – провозглашение КНР, а также – испытание первой советской атомной бомбы. В итоге Сталин и Мао Цзедун с мая 1950 г. готовы поддержать военно-политический план Ким Ир Сена по силовому объединению Кореи [14, с. 129-130]. С этого момента Т.Ф. Штыков оказывается в ряду наиболее активных разработчиков плана военного вторжения КНА на юг страны [13, с. 74-75]. В итоговом плане наступления северокорейских сил на

юг содержались как минимум два серьезных просчета:

- явная переоценка военных возможностей КНА: в справке от 15 сентября 1949 г. подготовленной Штыковым для Сталина, советский посол в КНДР открыто выражал сомнение в том, что численности и вооружения войск северокорейских коммунистов окажется достаточно для полного разгрома южан [13, с. 45-46];

- точно также, явной гиперболой окажется и надежда на всенародное восстание против антинародного южного режима – о чем писал впоследствии в своих мемуарах Н.С. Хрушев [14, с. 143-144].

В результате, успешно начавшаяся 25 июня 1950 г. наступательная операция КНА, породившая победную эйфорию после стремительного взятия Сеула, вскоре разбилась о Пусанский оборонительный плацдарм противника и 15 сентября 1950 г. потерпела полный крах в результате Инчхонской десантной операции американцев в глубоком тылу сил КНДР. 27 сентября 1950 г., когда северокорейские коммунисты были уже на грани полного военного разгрома, Т.Ф. Штыков получает директиву Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина – вождь напрямую обвинял советского посла и военных советников в неудачах КНА [14, с. 146-147]:

- в первую очередь указывалось на невыполнение указания об отводе четырех северокорейских дивизий в район Сеула (и действительно – на следующий день, 28 сентября, американцы заняли столицу Южной Кореи);

- далее подчеркивалась ошибочная тактика использования КНА советских танков – без артиллерийской поддержки, что приводило к напрасным потерям;

- констатировалась неспособность наших советников помочь командованию КНА в налаживании связи и управления войсками, в результате чего войска северокорейских коммунистов становились неуправляемыми;

- и, главное, делался вывод о стратегической неграмотности наших советников в Корее, не сумевших правильно оценить угрозу со стороны американской десантной операции в Инчхоне (Чемульпо): при этом подчеркивалось, что Штыков даже предлагал судить автора статьи в газете «Правда», в которой характеризовалась эта десантная операция США.

Инчхонская десантная операция американских сил действительно стала главным просчетом и конкретно Т.Ф. Штыкова и всей группы советских военных советников: эта операция явилась полной неожиданностью для советских военных и их ко-

рейских союзников – создав подавляющий перевес сил в районе Чемульпо (Инчхона), который по сути являлся морскими воротами Сеула, США нанесли мощный удар в тыл основным силам КНА, которые вели бои с целью ликвидации Пусанского плацдарма – и это при том, что у советских военных были вполне четкие представления об огромном военном опыте американской стороны в плане проведения именно морских десантных операций [6; 14, с. 144-145]. Итогом Инчхонской операции стали потеря северокорейскими коммунистами Сеула и большей части территории Южной Кореи, угроза окружения и разгрома КНА и фактический перелом в войне в пользу сил ООН.

Военная ситуация неуклонно ухудшалась для северокорейской стороны и Т.Ф. Штыков вынужден обратиться к Москве с предложением о фактической эвакуации значительной части сотрудников посольства и советников в связи с жестокими налетами американской авиации на Пхеньян – предложение будет отклонено из-за боязни усилить панические настроения в руководстве КНДР [13, с. 91-92]. Уже 1 октября 1950 г. Сталин требует от Т.Ф. Штыкова организовать мобилизацию всех сил в КНДР, чтобы не допустить противника к северу от 38-й параллели, способствовать выводу войск КНА из окружения и организации партизанской войны в тылу у американцев [11, с. 38] – но спасти Северную Корею от разгрома сможет только приход огромных сил китайских добровольцев и советской истребительной авиации – поэтому последние усилия Штыкова на посту посла были направлены по требованию Москвы на эвакуацию разбитых северокорейских сил на территорию КНР и объяснение корейскому лидеру причин задержки прибытия китайских дивизий [13, с. 117-118; 120-121].

Анализируя вопрос о степени личной ответственности Т.Ф. Штыкова за поражение КНА в 1950 г. следует указать на то, что первый советский посол в КНДР, при наличии высокого воинского звания генерал-полковника, ряда полководческих орденов [4, л. 3], пройдя все Великую Отечественную войну, тем не менее полководцем не был – он был политработником высокого ранга и классическим продуктом советской военной системы, возводившей партийных секретарей до уровня военачальников со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Никогда не служив в армии ни рядовым, ни офицером, не имея военного образования и опыта, Т.Ф. Штыков, согласно его автобиографии [4, л. 5], как второй секретарь Ленинградского обкома партии во время советско-финской войны был направлен на фронт сразу в качестве члена Военного Совета 7 армии, а

в 1941 – 1945 гг. он последовательно являлся членом Военных Советов Ленинградского, Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Таким образом, Терентий Фомич Штыков, проявив несомненные организаторские способности в деле снабжения блокадного Ленинграда продовольствием и боеприпасами, собственными войсками на поле боя никогда не командовал и требовать от него глубокого понимания военно-стратегической обстановки на Корейском полуострове могла именно советская система с ее утопической верой в потенциал большевистских комиссаров.

С другой стороны, сложно не согласиться с современными исследователями, которые анализируя причины провала наступления КНА в 1950 г. приводят мнение Н.С. Хрущева, высказанное в его мемуарах [11, с. 38; 14, с. 143-144]: вина за поражение северокорейских коммунистов лежит в том числе и на самом Сталине, который опасаясь превращения корейской войны в катастрофический конфликт между СССР и США, отозвал советских военных советников с уровня дивизий и полков (т.е. с передовой линии) когда КНА готовилось к вторжению на юг – советский вождь объяснял этот шаг опасностью попадания наших советников в плен, что дало бы американцам веские доказательства для обвинения СССР в причастности к агрессии. В результате политической катастрофы в виде прямой войны между СССР и США удалось избежать, но этот шаг несомненно поставил в сложное положение командование КНА, а советские военные советники (в том числе и Т.Ф. Штыков) оказавшись в глубоком тылу, в отрыве от войск, не могли правильно оценивать стратегическую ситуацию и оперативно реагировать на изменение обстановки. Как и в ситуации накануне войны – в вопросе о силовом объединении Кореи – так и в ходе самого конфликта позицию состарившегося вождя можно характеризовать известной фразой «и хочется, и колется», а расплачиваться за такую непоследовательность придется уже его подчиненным.

Сталину требовался виновник провала северокорейского наступления и виновный был немедленно назначен. В итоге Штыков отзывается из КНДР в Советский Союз с понижением в звании (вместо генерал-полковника он стал генерал-лейтенантом) и в свете таких позорных обстоятельств он был немедленно уволен в запас [8, с. 74; 12, с. 222;]. Согласно командировочному удостоверению за личной подписью Г.М. Маленкова (который от высшего партийного руководства в свое время курировал работу советского посла в КНДР [1, с. 29]), Штыков был направлен на

скромную должность заместителя председателя Исполнительного комитета Калужского областного Совета [4, л. 8], на которой он и пребывал с 1951 по 1954 гг. В период апогея сталинизма, подобное наказание можно назвать крайне мягким, полагая что Штыкову вторично повезло выжить в эти суровые годы (направление на Дальний Восток уже, возможно, спасло его от попадания в жернова «Ленинградского дела», и в 1951 г. он снова сохранил и жизнь и членство в партии). Однако если задуматься почему Штыков был направлен именно в Калугу, то, получается, что для бывшего посла ситуация складывалась отнюдь не безоблачная. С декабря 1947 г. пост председателя Калужского исполкома занимал Андрей Иванович Бурилин: во время войны с 1941 по 1944 гг. он находился на Ленинградском и Волховском фронтах, где вполне мог быть связан с Т.Ф. Штыковым – переведенный из Калуги на парторботу в Ленинград, Бурилин был арестован в рамках «Ленинградского дела» и в октябре 1950 г. расстрелян [5, 178-179], а в августе 1951 г. на должность в Калуге заклеянную возможной связью с «врагом народа», назначается бывший и опальный посол [4, л. 8]. Только после смерти Сталина Т.Ф. Штыков возвращается в верхний эшелон партийной номенклатуры в качестве первого секретаря Новгородского обкома и Приморского крайкома партии, а затем и посла СССР в Венгрии, но уже в 1964 г. – всего на 57 году – его жизненный путь завершается [3, с. 113].

Выводы

В драматический период становления коммунистического государства на Севере Кореи и в начале Корейской войны 1950-1953 гг. Терентий Фомич Штыков в качестве первого посла Советского Союза в КНДР по сути являлся главным связующим звеном обеспечивающим политические контакты Москвы и Пхеньяна и объективно оказывался в ряду тех исторических фигур, чьи решения до сих пор определяют историю Кореи и мировую политику в данном регионе.

Серьезные военно-стратегические просчеты, допущенные советскими военными советниками, и конкретно Т.Ф. Штыковым, при планировании и осуществлении северокорейской наступательной операции в 1950 г., несомненно, занимают важное место в комплексе причин, обусловивших неудачи КНА и предоставивших США и их союзникам возможность развернуть успешное контрнаступление и переломить ход войны на Корейском полуострове. Однако, в условиях тех жестких принципов абсолютного подчинения и характерного для тех лет страха, в которых функционировала советская дипломатическая и военная система в

1945-1953 гг., наивно возлагать ответственность за стратегические провалы на пусть даже и совсем не рядовых исполнителей: в конечном итоге корни ошибочных решений кроются в политике самого И.В. Сталина.

Состарившийся вождь столкнулся с серьезной проблемой выбора между возможностью силового объединения Кореи под властью коммунистов (к чему стремилось северокорейское руководство во главе с Ким Ир Сеном) и пугающей перспективой крупного военного конфликта с США, к которому Советский Союз, толком не оправившийся от трагедии 1941-1945 гг., еще не был готов. Непоследовательность и колебания вождя в корейском вопросе неизбежно порождали противоречия и ошибки в действиях его подчиненных уже на корейской земле – в итоге Т.Ф. Штыков в течении года успел дважды вызвать гнев Сталина: в октябре 1949 г. – тем, что проявил слишком много усердия в деле пресечения военных провокаций южнокорейского режима [13, с. 24-26], а в сентябре 1950 г. – уже тем, что не сумел предотвратить главный удар американцев – Инчхонскую десантную операцию [14, с. 146-147]. В этом плане следует учитывать и то влияние на действия Штыкова, которое оказывал и северокорейский вождь – а оно также было значительным – не случайно в автобиографии Ким Ир Сена говорится о его дружбе с советским послом в КНДР [9, с.530-531]. Эта ситуация еще более усугубляла положение Штыкова: взгляды Сталина и Ким Ир Сена на решение корейской проблемы не всегда совпадали, и в

Москве могли заподозрить что советский посол играет роль «слуги двух господ» – в современной историографии есть тезис о том, что Штыков был по сути единственным из советских политиков, кто в спорной ситуации поддерживал северокорейскую точку зрения, что в конечном итоге и предопределило его отставку [8, с 74].

Судьба Т.Ф. Штыкова, оказавшегося в результате разжалования и отставки на второстепенной должности в Калуге, наглядно демонстрирует исследовательский потенциал материалов региональных архивов даже в такой казалось бы отдаленной от российской провинции и ее коллекций исторических документов области научного знания как востоковедение. Источники Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) – документы из личного партийного дела Т.Ф. Штыкова, помогают подтвердить многие ключевые обстоятельства биографии первого посла Советского Союза в КНДР [4].

В Российской империи в силу целого ряда причин исторически сложилась традиция использования Калуги как места ссылки для целого ряда представителей Востока, игравших видную роль в истории своих стран и народов (хотя, к сожалению, все еще мало известных для российской общественности) [10]. Применительно к истории XX в. региональные архивы по прежнему хранят интересные источники позволяющие проследить уникальное пересечение судеб в параллельной истории Востока и российской провинции.

Список источников

1. Бугай Н.Ф. Советский мир: отношение к войне в Корею 1950-1953 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16. № 2. С 18 – 36.
2. Бугай Н.Ф. Советско-корейские отношения накануне и в ходе войны 1950-1953 гг. // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2020. №6. С. 85 – 95.
3. Витушкин С.Ф. Кадры решают все. Первые секретари обкома КПСС и председатели облисполкома Новгородского областного Совета депутатов трудящихся (1944-1991) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы Пятнадцатой научной конференции историков-архивистов. Великий Новгород: Издательство: НГУ имени Ярослава Мудрого. 2016. С. 112 – 117.
4. ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 5. Д. 3008.
5. Добычина М.А., Иванов В.А. Представительная власть Калужского региона. История и современность в лицах. Калуга: Издательство «Фридрихс», 2024. 320 с.
6. Иванов В.В. ВМС США в Инчхонской десантной операции, сентябрь 1950 г. // Американистика на Дальнем Востоке. 2021. Вып. 7. С. 91 – 97.
7. История. Подготовка к ЕГЭ-2024. 30 тренировочных вариантов по демоверсии 2024 года: учебно-методическое пособие / под ред. Р.В. Пазина. Ростов-на-Дону: Легион, 2023. 480 с.
8. Ки Квансо. Создание северокорейского государства и Т.Ф. Штыков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13, Востоковедение. 2023. Т. 67. № 3. С. 60 – 76.
9. Ким Ир Сен. В водовороте века. Т. 8 (продолжение). Корея, Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках. 1998. 580 с.

10. Курков В.В. Восток и российская провинция: пересечение судеб в истории Калуги // Власть истории – История власти. 2022. Т. 8. Часть 3. № 37. С. 16 – 25.
11. Онищук Г.И. Деятельность советских военных советников и специалистов в КНДР в годы корейской войны 1950-1953 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 8. С. 35 – 39.
12. Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005. 544 с.
13. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 312 с.
14. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2008. 544 с.

References

1. Bugai N.F. Soviet world: attitude towards the war in Korea 1950-1953. Historical and social-educational thought. 2024. Vol. 16. No. 2. P. 18 – 36.
2. Bugai N.F. Soviet-Korean relations on the eve and during the war of 1950-1953. East. Afro-Asian societies: history and modernity. 2020. No. 6. P. 85 – 95.
3. Vitushkin S.F. Personnel decide everything. First secretaries of the regional committee of the CPSU and chairmen of the regional executive committee of the Novgorod regional Council of Workers' Deputies (1944-1991). Documentary heritage of Novgorod and Novgorod land. Problems of preservation and scientific use. Proceedings of the Fifteenth Scientific Conference of Historians and Archivists. Veliky Novgorod: Publisher: NSU named after Yaroslav the Wise. 2016. P. 112 – 117.
4. GADNIKO. F. P-55. Op. 5. D. 3008.
5. Dobychina M.A., Ivanov V.A. Representative Authority of the Kaluga Region. History and Modernity in Persons. Kaluga: Friedhelm Publishing House, 2024. 320 p.
6. Ivanov V.V. US Navy in the Inchon Landing Operation, September 1950. American Studies in the Far East. 2021. Issue 7. P. 91 – 97.
7. History. Preparation for the 2024 Unified State Exam. 30 training options for the 2024 demo version: a teaching aid. edited by R.V. Pazin. Rostov-on-Don: Legion, 2023. 480 p.
8. Ki Kwanso. The Creation of the North Korean State and T.F. Shtykov. Vestn. Moscow University. Series. 13, Oriental Studies. 2023. Vol. 67. No. 3. P. 60 – 76.
9. Kim Il Sung. In the Whirlwind of the Century. Vol. 8 (continued). Korea, Pyongyang: Publishing House of Literature in Foreign Languages. 1998. 580 p.
10. Kurkov V.V. The East and the Russian Province: the Intersection of Fates in the History of Kaluga. The Power of History - The History of Power. 2022. Vol. 8. Part 3. No. 37. P. 16 – 25.
11. Onishchuk G.I. Activities of Soviet military advisers and specialists in the DPRK during the Korean War of 1950-1953. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2017. No. 8. P. 35 – 39.
12. Popov I.M., Lavrenov S.Ya., Bogdanov V.N. Korea in the fire of war. Moscow: Kuchkovo Pole, 2005. 544 p.
13. Torkunov A.V. Mysterious war: the Korean conflict of 1950-1953. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 312 p.
14. Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F. Korean Peninsula: metamorphoses of post-war history. M.: OLMA Media Group. 2008. 544 p.

Информация об авторе

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., 2025